

Забывтый пророк: ПЕТР ХЕЛЬЧИЦКИЙ^{*)}

БЫЛ ЛИ ОН «ГЛУПЫМ САПОЖНИКОМ» КАК ГОВОРИЛИ клеветники? Был ли он священником или странствующим монахом? Может быть, он был дворянином, который умышленно избрал нищету? В своих писаниях он выражал глубокое сочувствие к простым людям, которые трудятся на земле, и поэтому предполагают, что он сам был крестьянином. А если это так, откуда у него было достаточно свободного времени не только чтобы стать грамотным, но чтобы написать, по крайней мере, 56 трактатов на сложные богословские темы? Сегодня историки думают, что Петр Хельчицкий (ок. 1390—ок. 1443), наверно, был владельцем небольшого земельного участка, то есть, независимым фермером (*svobodnik*, по-чешский) в южной Богемии. Но такое предположение еще не дает нам знать ничего о деталях его жизни, его семьи, его образования. Даже даты и места его рождения и смерти остаются тайной.

*) В этой статье основным источником информации о Петре Хельчицком была книга, Murray L. Wagner, *Petr Chelcicky: A Radical Separatist in Hussite Bohemia* (Scottsdale, Penn.: Herald Press, 1983).

Мэри Рэйбер, сотрудник Сети меннонитских миссий (Меннонитская церковь—США), Мэри Рэйбер преподает историю христианства в Одесской богословской семинарии и других богословских учебных заведениях СНГ. Она получила докторскую степень в 2015 г. через Университет Уэльса и Международную баптистскую семинарию (г. Амстердам).

Петр Хельчицкий (ок.1390–ок.1443)

Хотя он считается духовным отцом Единого братства (*Jednota bratrská*, по-чешски; *Unitas fratrum*, на латыне) или чешских братьев, после его смерти писания Хельчицкого исчезли из памяти, из-за усилий католической контрреформации. Он заново стал известным только в девятнадцатом веке, когда так называемые «будители», такие как Франтишек Палацкий (1798–1876), искали исторические корни чешского народа и популяризировали историю гусситов. Несмотря на это, Хельчицкий до сих пор остается неизвестным многим христианам из-за того, что большинство его работ никогда не были переведены на главные европейские языки. Поэтому канадский богослов Йаролд Земан

называет Хельчицкого «забытым пророком».^[1]

Но он не был забытым русскими евангельскими христианами. Известно точно, когда ранний русский евангельский лидер Иван Степанович Проханов (1869–1935) впервые «открыл» Хельчицкого для себя, но в 1924 году он с восторгом признал богемского мыслителя одним из главных богословов Реформации, которая, как он с гордостью считал, началась среди славян за сто лет до Лютера.^[2] Чехословацкому государству едва было шесть лет, когда Проханов, гражданин почти семилетней Советской России, посетил Прагу — поездка о которой он «уже давно мечтал», чтобы лучше понимать духовное наследие великих славянских реформаторов.^[3] Он действительно был энергичным и прилежным посетителем. В связи со своей поездкой он написал две статьи, два стихотворения, перевел песню, слова которой

^[1] Jarold K. Zeman, “Foreword” in Wagner, *Petr Chelcicky*, 17.

^[2] И[ван] С[тепанович] П[роханов], «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», *Христианин*, №5 (1924): 23.

^[3] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», *Христианин* №5 (1924): 23.

сочинил Ян Гус (ок.1369—1415), и составил список цитат Яна Гуса и Петра Хельчицкого. Эти материалы составили основную часть содержания пятого выпуска журнала *Христианин* за 1924. Учитывая, что Проханов провел всего лишь шесть недель в Чехословакии весной того года, он должен был работать быстро и упорно, чтобы исследовать, написать и сочинить все материалы для майского номера журнала. И он планировал написать еще больше. Во второй своей статье в заключении он выражает надежду о том, что будут еще статьи о гусситах в будущем.^[4] Очевидно, что Проханов еще многое хотел рассказать о них своим читателям.

Почему это движение, и особенно роль малоизвестного Петра Хельчицкого в этом движении, были ему так важны? Главная причина, скорее всего, связана с тем, что весной 1924 года, Проханов искал рукоположение от чешских баптистов, которые тесно отождествляли себя с Петром Хельчицким. Первые современные баптистские общины появились в чешских землях в 1880-х годах. Тогда, по крайней мере, одна из них называла себя «Общиной христиан, крещенных по вере». Но, когда современная Чехословакия формировалась после Первой мировой войны, название изменилось. В 1919 г. пятнадцать баптистских общин соединились в объединение под названием «Баптисты единого братства им. Хельчицкого». Ясно, что они видели в Петре Хельчицком предтечу

своего современного движения. Думая о Хельчицком, чешский баптистский лидер Иосиф Новотный писал: «Всегда в Чехословакии были люди, которые верили в баптистские принципы».^[5]

Без сомнения, Проханов хотел связать движение российских евангельских христиан с уверенностью чехословацких баптистов относительно своих исторических корней. Принимая рукоположение от них, он мог бы отождествлять евангельских христиан с уважаемой и более старинной евангельской традицией. Стоит отметить, что Проханов принимал баптистские принципы, несмотря на то, что это не отражалось в названии Всероссийского союза евангельских христиан, который он основал в 1909 году. С 1911 г. он даже был вице-председателем Всемирного альянса баптистов.^[6] Все равно, Проханов и евангельские христиане не были приверженными исключительной баптистской идентичности. Они даже принципиально возражали против названия «баптист», в частности, из-за того, что они считали его нерусским.^[7] Проханов вдохновлялся Евангельским Альянсом, — международная христианская организация, основанная в 1846 году, которая придерживалась видения единства и сотрудничества на основании общих христианских принципов, — и он хотел расширять идентичность русских евангельских верующих. Кажется, что в гусситах и их последователях он видел «баптистское» движение, которое больше, чем любое

^[4] И. С. П., «Ян Гус и Петр Хельчицкий как учителя духовной жизни», *Христианин* №5 (1924): 7, 18, 22.

^[5] Joseph Novotny, *The Baptist Romance in the Heart of Europe (Czechoslovakia)*, (п.п.: Czechoslovak Baptist Convention in America and Canada, 1939), p. 66.

^[6] *Third Baptist World Congress. July 21-27, 1923. Record of Proceedings* (London: Kingsgate Press, 1923), 87.

^[7] ВСЕХБ, *История ВСЕХБ в Советском Союзе* (Москва: ВСЕХБ-Б, 1989), 131; Heather J. Coleman, *Russian Baptists and Spiritual Revolution* (Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2005), 44–45

другое движение или лидер периода Реформации, добросовестно сохранило ценности и чистоту апостольского христианства, и которое могло позитивно воздействовать на воображение современных христиан.

Далее, хотя это движение не была русское, оно и не было иностранное. Проханов признался в своих статьях 1924 года, что благодаря тому, что Гус и Хельчицкий тоже были славянами, он изучал их наследие с особенным личным чувством. Очевидно, что он радовался тому, что он мог читать их работы в оригинале с небольшим усилием.^[8] В своих мыслях Проханов также связывал богемских реформаторов с победой «религиозной, политической и научной свободы», которыми он восхищался. Он также отметил новую свободу чехов, чтобы исповедовать свою веру и заново евангелизировать, после столетий господства со стороны католиков.^[9]

Революции 1917 года временно принесли относительную религиозную свободу русским евангельским верующим, а недавний опыт Проханова ясно демонстрировал ему, что их свобода была под вопросом. Незадолго до своей поездки в Чехословакию, Проханов провел три месяца в заключении. Он был арестован из-за своего открытого письма, которое он издал в 1922 г., — призыв всем христианам в Советской России и по всему миру, чтобы они отказались от участия в военных действиях. В тюрьме его убедили, чтобы он отказался от своих пацифистских убеждений и подписал

новый призыв о том, чтобы верующие поступали как хорошие граждане и поддерживали Красную Армию. Его согласие подписать новый призыв связывали с возможностью принять участие в конгрессе Всемирного альянса баптистов в 1923 году в Стокгольме. На конгрессе была удобная возможность, чтобы быть в контакте с чешскими братьями.^[10] Также интересно, что во время этого конгресса советские делегаты старались убедить мировое сообщество баптистов в том, чтобы приняли всеобщую пацифистскую позицию — но без успеха.^[11] Может быть, одна из причин, почему Проханов интересовался гусситами заключалась в том, что Петр Хельчицкий и другие придерживались пацифистских взглядов.

Так как в определенном смысле можно считать, что русско-украинское евангельское движение тоже имеет исторические связи с Петром Хельчицким и чешскими братьями, стоит суммировать немного из того, что нам известно об этом духовном предке и движении гусситов.

Убеждение в том, что католическая церковь нуждалась в реформе, набирало силу на протяжении четырнадцатого века. Особенно раскол папства наносил ущерб претензии папского авторитета. Раскол начался в 1303 г., когда французский король Филипп забрал папу Бонифация во Францию и потом перенес папский престол в Авиньон. Запутанная череда соперничающих пап и епископов следовала до 1417 г., когда церковный собор в Кон-

^[8] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 6-7.

^[9] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 24.

^[10] Протокол конгресса (*Third Baptist World Congress*) включает Иосифа Новотного среди

пятнадцати представителей Чехословакии (стр. 236) и “J. S. Prokhanoff, Petrograd” в списке советских делегатов (стр. 251-252).

^[11] Heather J. Coleman, *Russian Baptists and Spiritual Revolution* (Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2005), 191-192.

станце, наконец, положил конец этому расколу. Кроме этого, общая коррупция в католической церкви беспокоил многих. На фоне таких проблем движение гусситов развивалось и набирало силу.

В 1401 году Ян Гус (ок. 1369–1415) стал ректором Пражского университета и в следующем году был назначен проповедником в Вифлеемской капелле. Он проповедовал для народа; его ясные и простые проповеди были не на латыне, а на понятном чешском языке, наполненные практическими применениями и примерами. Он также поддерживал церковное пение на чешском языке.

В то время в Пражском университете оспаривали писания английского богослова Джона Уиклифа († 1384). Гус не был согласен с Уиклифом по доктрине пресуществления, которую Уиклиф отвергал; но он был согласен с взглядами Уиклифа о природе церкви. Уиклиф учил тому, что истинная церковь — невидимая; она состоит из избранных. Так как Гус обеспокоился в основном о моральной реформе церкви, он согласился с Уиклифом в том, что можно было узнать избранных по их поведению, которое должно было быть похожим на поведение апостолов. Конечно, такой взгляд автоматически делал многих священников непригодными и представлял угрозу церковной иерархии. С кафедры Вифлеемской капеллы Гус осуждал симонию и продажу индульгенций — распространенную практику для того, чтобы финансировать папские войны. В 1412 году Гус был отлучен и изгнан в южную Богемию.

В конце концов, в Констанце епископы собирались на собор с 1414 по 1418 гг., чтобы положить конец расколу в

Петр Хельщичский беседует с чешскими братьями.

папстве и чтобы утвердить авторитет католической церкви вопреки ереси, движений реформы и растущего национализма. На соборе провозгласили учение Джона Уиклифа еретическим, и также вызвали Яна Гуса, чтобы тот защитил свою ортодоксальность. Гус охотно прибыл на собор, думая, что ему дадут возможность объяснить свои взгляды, и надеясь, что он будет восстановлен. Но вместе того, чтобы его выслушать, собор заключил его в тюрьму и затем он был приговорен к сожжению на костре.

Вместо того чтобы разрешить проблемы ереси, собор такими действиями спровоцировал восстание в Богемии. Бунтари, выступавшие против казни Яна Гуса, были известны как «утраквисты», по латынской фразе *sub utraque specie*, «в обеих формах», это означает, что они требовали, чтобы получать и хлеб и чашу во время Евха-

ристии — практика, которую Гус одобрял. Одно из следствий, в подтверждение доктрины о пресуществлении, было то, что начинали в такой степени почитать элементы святой мессы, что не допускали никого кроме священников пить из чаши, из-за страха, что неуклюжие руки народа могут разливать пресвятую Кровь Христа. Хотя были большие различия между фракциями гусситского восстания, все были согласны в том, что требовали право пить из чаши. Таким образом, объединяющим символом чешских реформаторов стала чаша — эмблема, которая появляется даже в их архитектуре.

С течением времени богословские вопросы все больше переплелись с политическими сражениями. Общая война против папских и императорских армий превратилась в гражданскую войну. Стоит обратить внимание на глубокие разногласия среди гусситов. Все хотели принимать и хлеб и чашу, но были те, которые хотели снова присоединиться к Риму без других требований, тогда как другие настаивали на моральной реформе и церкви и общества. Также были радикальные гусситы — «табориты» — по их географическому центру на горе (место, где был основан первоначальный лагерь приверженцев движения), которую они переименовали по аналогии с горой Фавора, на которой Иисус Христос преобразился. Радикалы хотели полностью разорвать отношения с Римом и создать новое, апокалиптическое царство, чтобы «преобразовать» и церковь и общество. Вначале их программа была мирная, но потом многие изменили свои взгляды и убедились в том, что их идеи реализуются только через военные действия.

Здесь Петр Хельчицкий становится особенно важным лидером. Он был главным богословом тех гусситов — такие как табориты, — которые стремились не к возвращению в католическую церковь, и даже не к ее реформе, а к восстановлению апостольского христианства. Он считал, что Священное Писание — единственный авторитет для верующих — и на основании его, Хельчицкий учил о церкви как о новой общине людей, собранных из мира, которые осознанно исповедуют христианство. Он выступал против всех церковных практик, которые как он считал, отошли от апостольской модели — такие как, учение о чистилище или молитвы за умерших.

Когда апокалиптические надежды таборитов не исполнились, руководство этой партии гусситов обратилось к насилию и политическим мерам, чтобы реализовать свои цели. В своем трактате «О духовной войне» Хельчицкий энергично защищал пацифизм и осудил таборитов за то, что они старались оправдать свою новую позицию Писанием. Он утверждал разделение церкви и государства и был убежден в том, что истинные христиане не должны служить на государственных должностях и, конечно, не будут участвовать в военных действиях. Он предвидел что страдание, а не победа — обыкновенная участь истинных христиан в мире.

В трактате «О тройном разделении общества» он осудил порядки общества средневековья. Во время, когда считали что церковь и государство вместе являются «христианским миром» и что поэтому можно отождествлять общество с Телом Христовым, Хельчицкий настаивал на том, что наоборот, Тело Христово не имеет ничего общего с несправедливостью,

которую он видел везде. Хельчицкий считал, что соединение церкви с государством, которое начиналось тогда, когда император Константин сделал христианство законной религией в четвертом веке, является не триумфом церкви, а ее падением. Истинная церковь характеризуется любовью и миром, которые невозможно было найти среди недостойных священников и жестокого дворянства его времени.

Хельчицкий был скорее практическим, чем систематическим богословом. Несмотря на это, он тоже написал «Учение о таинствах». Он отрицал семь таинств католической церкви, а принимал только те три практики, которые, как он считал, Христос заповедовал. Хотя Хельчицкий никогда не отказывался от детокрещения, он критиковал крещение, как оно практиковалось в церкви того времени и утверждал, что крещаемые должны быть основательно обучены — позиция, которая подразумевает крещение взрослых. В таком же духе, он толковал Вечерю Господню — не как исключительно символическое воспоминание, а считал, что только посвященные верующие могут причащаться. Третье таинство — исповедание грехов — Хельчицкий считал очень нужным для христиан, но отрицал идею о том, что только священник может простить грехи.

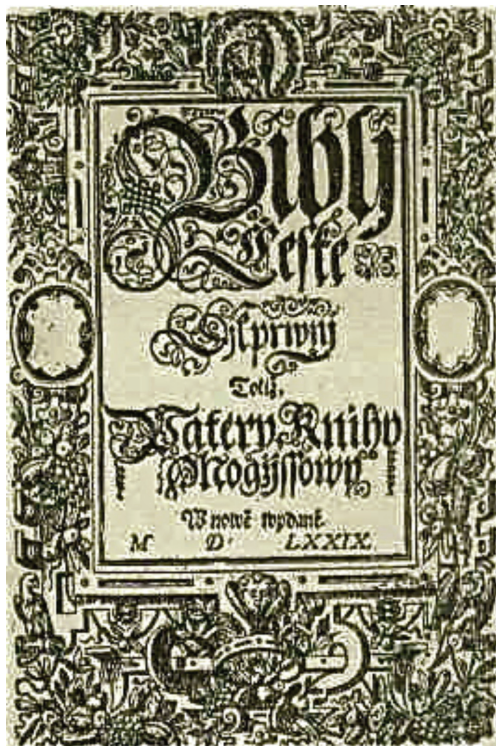
Группа «братьев» формировалась вокруг Петра Хельчицкого. В сборнике своих проповедей, в качестве наставника, а не полемиста, Хельчицкий объяснял им, как христиане должны жить. Он ожидал, чтобы они оставались отдельно от мира, чтобы они отказались от всех видов насилия, чтобы их собрания остались простыми, чтобы они жили трезво и смиренно и трудились добросовестно. «Бра-

Современный памятник Петру Хельчицкому в Хельчицах.

тья» Хельчицкого должны были жить достойно Христа, даже ожидая, что они будут страдать ради Него.

Свои взгляды Петр Хельчицкий сохранил без особенных изменений до конца своей жизни. Это братство сепаратистов стало вдохновением обновленного движения сепаратистских гусситов, которое формально было установлен в 1467 г., около двадцати лет после смерти Хельчицкого. Это и было *Jednota bratrska*, Единое братство (*Unitas fratrum*), которое представляло из себя новую христианскую конфессию со своими служителями и епископами. Вначале братство было более тесно связано с учением Хельчицкого и оставалось отделенным от государства и учило

Кралицкая Библия (*Bible kralicka*),
изданная чешскими братьями.

пацифизму. Позже взгляды братства стали более умеренными и членам разрешалось служить в правительстве и даже в армии.

Хотя Единое братство никогда не было конфессией большинства, со временем оно сильно повлияло на сознание многих. Томаш Масарик (1850–1937), первый президент Чехословакии, считал, что моральное наследие братьев лежало в центре идентичности чешского народа.^[12] Без сомнения, моральное влияние чешских братьев, в частности, зависело от того, что группа осталась верной своим убеждениям во время строгой репрессии. Кроме этого, несмотря на то,

^[12] Derek Sayer, *The Coasts of Bohemia, A Czech History* (Princeton: Princeton University Press, 1998), 43.

^[13] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 16.

что братья были больше практиками, чем систематическими богословами, они интересовались образованием и напечатали первую Библию на современном чешском языке, «Библия кралицка» (*Bible kralicka*, на чешском).

Когда гапсбургский император Фердинанд (годы правления, 1619–1637) победил восстание чешских протестантов на Белой горе (1620), началась суровая программа восстановления католицизма под руководством иезуитов, и многие из братьев были изгнаны. Одним из самых известных был богослов и педагог Ян Амос Коменский (1592–1670), последний епископ братства. Много лет спустя, остаток Единого братства нашел убежище на землях графа Николауса Людовика фон Цинциндорфа (1700–1760). Тогда они были известны как Моравские братья, и стали важной частью движения пиетистов, которое так сильно повлияло на современное евангельское движение.

Проханов заключил, что невозможно не видеть действие Святого Духа в деятельности Петра Хельчицкого, который, несмотря на скромность своего положения, совершил великие дела в духовном мире человечества.^[13] Он особенно ценил «забытого проповека» как основателя «бескомпромиссной христианской общины».^[14] Многие гусситы проповедовали о восстановлении апостольского христианства, а для Хельчицкого оставалось выразить такие идеалы практическим образом.^[15] Проханов подчеркивал, что другие реформаторские движения в Европе вскоре испортились из-за их

^[14] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 16.

^[15] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 15–16.

связей с правительством, и «... вскоре сами духовно если не умирали, то совершенно охладевали».^[16] По сравнению с ними, Хельчицкие братья остались независимыми от государства и сохранили чистоту апостольского христианства. В связи с этим, Хельчицкий учил тому, чтобы христиане жили по сельскохозяйственному укладу и ремеслом, и чтобы социальные классы и различия между ними не влияли на христианскую общину — идеи, которые были очень привлекательными для Проханова, который активно одобрял организацию христианских экономических кооперативов и сельскохозяйственных коммун в течение 1920-х годов.^[17] Кроме этого, Проханов утверждал, что вступление в общину Хельчицких братьев совершалось через крещение по исповеданию веры — первое систематическое применение такой практики в Европе с апостольских времен (хотя на самом деле не ясно, что они когда-либо категорически отказались от детокрещения).^[18]

Проханов заключил свои статьи о движении гусситов утверждением, что Петр Хельчицкий и Ян Гус положили

фундамент современного евангельского движения, которое длилось уже 500 лет и «...в наше время нашло себе продолжение в развивающемся в России Евангельским христианстве. **ЗДЕСЬ ИМЕЕТСЯ ПОЛНЕЙШАЯ ДУХОВНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ**».^[19] Очевидно, Проханов хотел больше рассказать своим читателям о духовном значении гусситов, чтобы проинформировать их и может быть потому, что он предвидел возражения. Так как через его рукоположение формировалась связь между русскими евангельскими христианами и потомками гусситов в Чехословакии, было важно, чтобы русские познакомились с чехами.

Таким образом, Проханов пытался проследить связь, которая соединяет Петра Хельчицкого и гусситов с русскими евангельскими верующими — не органическая, историческая связь, а связь духовная — одинаковых принципов и стремлений. Хотя мало известно о деталях жизни этого богемского мыслителя пятнадцатого века, Проханов видел в работах Петра Хельчицкого источник вдохновения для нового поколения евангельских верующих.

^[16] И. С. П., «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 16.

^[17] О русских евангельских верующих в сфере экономических общин, см. В. А. Попов, «Христианские коммуны И. С. Проханова и город Солнца» в *105 лет легализации русского баптизма. Материалы международной научно-практической конференции*, ред.

Н. А. Белякова и А. В. Синичкина (Москва: РСЕХБ, 2011), 135-138; Mary E. Raber, “Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905-1929,” Ph.D. diss. (University of Wales/IBTS, 2014), 196-225.

^[18] И. С. П. «На родине Яна Гуса и Петра Хельчицкого», 16.

^[19] Ibid., p. 21.